

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Александръ I въ Орлѣ.

1823.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г. (т. IV, стр. 610—611) въ „Воспоминаніяхъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова“ напечатано, что во время трехдневнаго пребыванія императора Александра I въ Орлѣ въ 1823 году, губернаторомъ въ этомъ городѣ былъ дѣйств. ст. совѣтникъ „Солнцевъ, замѣчательный своею омытностью и распорядительностью“.

Былъ ли въ это время Солнцевъ губернаторомъ въ какой-нибудь другой губерніи, мнѣ неизвѣстно, но что онъ не былъ губернаторомъ въ Орлѣ во время пребыванія императора въ этомъ городѣ въ 1823 году, это доказывается несомнѣнно формулярнымъ о службѣ спискомъ тайнаго совѣтника Николая Ивановича Шредера. Изъ этого списка видно, что весь 1823-й годъ орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ именно Н. И. Шредеръ, состоявшій тогда въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника.

Подтвержденіе этого, если бы таковое было нужно, можно найти въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1824 г., издававшихся П. Свиньинымъ. Въ № 45 этого журнала за январь 1824 года помѣщены „Нѣкоторыя свѣдѣнія о путешествіи его императорскаго величества въ 1823 году совершенномъ“. Изъ этихъ „свѣдѣній“ оказывается, что Александръ I прибылъ въ Орелъ въ 12-мъ часу пополудни 3-го сентября, а выѣхалъ изъ Орла въ 8 часовъ утра 7-го сентября. Останавливался государь въ домѣ губернатора, гдѣ ему и поданъ былъ отъ д. с. с. Шредера рапортъ о благосостояніи губерніи, какъ только императоръ прибылъ на приготовленную ему въ этомъ домѣ квартиру. У шлагбаума же города Александръ I былъ встрѣченъ однимъ полиціймейстеромъ города.

Покойный Н. И. Шредеръ не разъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ пребываніи императора въ Орлѣ, при чемъ сообщалъ много подробностей, касавшихся лично его самого. Такъ, напримѣръ, онъ рассказывалъ, что во все время пребыванія императора въ Орлѣ, онъ въ теченіе трехъ сутокъ слишкомъ не снималъ мундира и даже ботфорты (которые тогда носили и гражданскіе чиновники первыхъ пяти классовъ, кажется), въ которыхъ всѣ три ночи спалъ, сидя въ креслахъ. По отъѣздѣ государя ботфорты снять обыкновеннымъ способомъ уже не было возможности: ихъ пришлось разрѣзать.

Н. И. Шредеръ былъ очень обласканъ императоромъ и получилъ за вполне исправное состояніе губерніи и города Орла награду, по тогдашнему времени, чрезвычайно рѣдкую. Будучи всего одинъ годъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени, дававшійся тогда сплошь и рядомъ лишь тайнымъ совѣтникамъ, или уже заслуженнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ.

Независимо отъ этой награды, государь вспомнилъ о Н. И. Шредерѣ полгода спустя, какъ о дѣльномъ и распорядительномъ губернаторѣ, назначивъ его губернаторомъ въ Рязанскую губернію, для устройства этой губерніи, управленіе которою, повидимому, было запущено. Это подтверждается опять формулярнымъ о службѣ Н. И. Шредера спискомъ.

По поводу губернаторства Н. И. Шредера въ Рязани, мнѣ упоминается одна его, не лишенная остроумія, выходка.

Рязанская губернія была въ числѣ пяти губерній, составлявшихъ генераль-губернаторство генерала Балашева, съ которымъ Н. И. Шредеръ былъ не въ ладахъ и который, по словамъ Н. И. Шредера, частенько надѣдалъ ему разными запросами. При одномъ изъ личныхъ свиданій, Н. И. Шредеръ, по поводу именно этихъ запросовъ, сказалъ генераль-губернатору Балашеву: „Знаете ли вы, ваше высокопревосходительство, что мы съ вами дѣлаемъ? Я вяжу чулокъ, а вы у меня безпрестанно спрашиваете, сколько я рядовъ связалъ“.

Эта острота и вообще нелады Н. И. Шредера съ генераль-губернаторомъ Балашевымъ стоили ему, однако, дорого. Въ 1826 году онъ лишился губернаторства и только въ 1831 году вновь былъ назначенъ губернаторомъ въ Витебскъ, гдѣ и оставался до 1836 года, когда окончательно вышелъ въ отставку, бывъ уже на службѣ тайнымъ совѣтникомъ.

В. Н. Л.—въ.

II.

Александръ I въ Костромской губерніи.

1824.

Осенью 1824 года, въ октябрѣ, императоръ Александръ проѣзжалъ Костромской губерніей, изъ Вятки, въ Петербургъ. Съ нимъ были Дибичъ, Соломка и лейбъ-медикъ Вилліе. До Вятки ѣхали на колесахъ, но тамъ внезапно выпалъ большой снѣгъ; Костромской губерніей ѣхали на саняхъ. Недоѣзжая до Кологрива, государю былъ приготовленъ ночлегъ на станціи Ильинскомъ, въ Ветлужскомъ уѣздѣ, въ имѣніи г-жи Патерсонъ, въ 18-ти верстахъ отъ ея усадьбы Дюково, въ которой она жила. Тогда костромскимъ губернаторомъ

былъ генералъ Баумгартенъ, Карлъ Ивановичъ, а губернскимъ предводителемъ Сергѣй Фёдоровичъ Куридюковъ; они были въ Костромѣ, а на станціи Ильинскомъ находились для встрѣчи государя: волжскій предводитель Михаилъ Ивановичъ Верховскій, и исправникъ, братъ его, Владиміръ Ивановичъ Верховскій. Изъ усадьбы г-жи Патерсонъ были привезены ковры, зеркала, канделябры, разная мебель; сама же Евгенія Акимовна Патерсонъ, урожденная Львова, женщина чрезвычайно гордая, обидѣвшись тѣмъ, что предводитель не ее пригласилъ принимать государя, съ другими дамами, на станціи, а выписалъ свою жену, Ольгу Карловну, гостившую въ то время у кого-то въ Макарьевѣ, и поэтому не захотѣла вовсе туда ѣхать, и отпустила въ своемъ экипажѣ горничныхъ, поглядѣть государя. Горничныя, между прочимъ, зашли въ ту избу, гдѣ кушала государевъ кучеръ, Илья Ивановичъ, и чтобы посмотрѣть его, забрались на полати. Повуда онѣ тамъ сидѣли, вошелъ въ избу исправникъ Верховскій и сказалъ, что государь завтрашній день будетъ кушать у Василія Васильевича Патерсона. Услышавъ это, горничныя скатились съ полатей, побѣжали къ своему экипажу и во весь духъ погнали домой, рассказать барынѣ. Барыня не повѣрила и сказала: „это опять штуки Верховскаго, насмѣхъ мнѣ выдумываетъ“. Но слѣдомъ за горничными приѣхалъ лейбъ-медикъ Вилліе.

Патерсонъ воспитывался вмѣстѣ въ дѣтствѣ съ Вилліе и приходился ему какъ-то роднею; они были очень дружны и приѣхали въ Россію вмѣстѣ, на одномъ кораблѣ, потомъ расстались и Вилліе потерялъ Патерсона изъ виду. Государь, отдыхая на станціи, замѣтилъ довольно изящное ея убранство и спросилъ случайно, кто приготовилъ это для него, и въ чьемъ онѣ имѣніи. Вилліе пошелъ спросить объ этомъ мѣстныхъ власти и узналъ такимъ образомъ, что находится въ 18-ти верстахъ отъ своего шеольнаго товарища и родственника; догадываясь объ этомъ государю, онъ попросилъ позволенія сѣздить къ нему. Государь, отпуская его, вдругъ спросилъ: „а не хочешь ли твой другъ Патерсонъ, чтобы я у него завтра обѣдалъ?“

Вилліе постигшиль съ этой новостью въ Дюево. Г-жа Патерсонъ не знала Вилліе и не понимала по-англійски; мужъ познакомилъ ихъ, и Вилліе по-русски объяснилъ ей, какого гостя они будутъ принимать. Она, конечно, отвѣчала, что это величайшее счастье, но что она боится не сѣздить сдѣлать достойный приемъ, и освѣдомилась, какой долженъ быть столъ. „Если хотите походный, отвѣчалъ Вилліе, такъ семь блюдъ; а если парадный, такъ сколько только вамъ возможно; обѣдъ въ 6 часовъ“. Она рѣшила, что будетъ парадный. Патерсоны были люди богатые и тутъ, конечно, сдѣлали все, чтобы не

ударить лицомъ въ грязь. На другой день государева кухня и 6 человекъ поваровъ приѣхали заранѣе; густыя толпы народа собрались по дорогѣ около усадьбы. Отданъ былъ приказъ, чтобы полиціи не было и признаковъ, чтобы никакое чиновное лицо не сопровождало государя. Наконецъ, махальные, разставленные по дорогѣ, дали знать, что государь ѣдетъ. Онъ сидѣлъ съ Дибичемъ; сани не ѣхали, а лѣгли. Когда экипажъ остановился у крыльца, некому было отступить полость. Патерсонъ стоялъ на крыльцѣ съ Вилліе и съ сыномъ Дмитріемъ, мальчикомъ 13-ти лѣтъ; г-жа Патерсонъ, одѣтая вся въ бѣломъ, стояла въ сѣняхъ съ хлѣбомъ и солью. Патерсонъ, всю жизнь свою говорившій чрезвычайно плохо по-русски и всѣхъ называвшій „мой батюшкинъ“ вскричалъ: „постой, постой, мой батюшкинъ!“ сбѣжалъ съ крыльца, отмахнулъ полость и въ то же мгновение взбѣжалъ опять, помня, что не приказано никому быть около царскаго экипажа. Вошедши въ сѣни, государь принялъ отъ хозяйки хлѣбъ-соль и поцѣловалъ у нея руку. Затѣмъ сѣли за столъ: государь, хозяйка, Дибичъ и Соломха; хозяинъ съ Вилліе обѣдалъ въ другой комнатѣ. Обѣдъ состоялъ изъ 24 блюдъ, между ними 6 десертныхъ; государю очень понравилось варенье изъ поленики; послѣ обѣда Вилліе поднесъ ему двѣ большія банки этого варенья и сказалъ: „Вотъ, ваше величество, хозяйка проситъ принять на дорогу варенье, которое вы изволили похвалить“. Государь поблагодарилъ, поцѣловалъ у хозяйки руку и въ размѣнъ предложилъ десятокъ ананасовъ, изъ тѣхъ, которые были ему поднесены въ Вяткѣ купцами. За обѣдомъ государь спросилъ хозяйку: „Не родня ли былъ ея отецъ нашему воспитателю Лаврову?“—„Родной дядя ему, ваше величество“. „А, очень радъ, позвольте же мнѣ поцѣловать вашу руку“, сказалъ государь. Г-жа Патерсонъ считала, что въ продолженіе своего посѣщенія императоръ поцѣловалъ у нея руку семь разъ. Мужа ея онъ спросилъ, почему онъ никогда не вступалъ въ русскую службу для пріобрѣтенія дворянскаго достоинства? и замѣтилъ, что это имѣетъ неудобство въ отношеніи воспитанія дѣтей, но тотчасъ же прибавилъ: „Я вамъ устрою это, и обратясь къ Вилліе сказалъ: запиши имя и фамилію и напоминай мнѣ при случаѣ“. И дѣйствительно, Дмитрій Патерсонъ былъ въ послѣдствіи принятъ въ дворянскій пансіонъ при московскомъ университетѣ. При отъѣздѣ, государь подарилъ хозяйкѣ брилліантовый фермуаръ, который она никогда не надѣвала, а пожертвовала на образъ казанской Божіей Матери въ своемъ приходѣ, такъ-называемомъ Село-Богородицы, гдѣ фермуаръ и по сіе время находится. Изъ Дюкова императоръ поѣхалъ въ Кологривъ, гдѣ останавливался въ домѣ городничаго Баева. По преданію, государю

должно было ѣхать оттуда въ Кострому, и его ждали; между прочимъ, онъ общалъ одному помѣщику, Вестужеву, имѣть у него обѣденный столъ въ селѣ его, Парфентьевѣ, на пути изъ Кологрива въ Кострому; но вдругъ почему-то маршрутъ измѣнился, и государь поѣхалъ чрезъ Вологодскую губернію, на Тотьму.

Разсказъ этотъ записанъ, отъ слова до слова, со словъ дочери Патерсона, Екатерины Васильевны Ж., бывшей въ то время девятилѣтнимъ ребенкомъ.

Сообщ. М. Раггъ.

III.

Маршалокъ Пусловскій.

„Въ Русской Старинѣ“ (изданія 1872 г. томъ V, стр. 381), въ запискахъ лейбъ-медика Тарасова: „Воспоминанія моей жизни“, сообщено было нѣсколько свѣдѣній о Пусловскомъ. Въ свѣдѣніяхъ этихъ г. Осипъ Пржецлавскій нашелъ нѣкоторыя неточности, и исправивъ ихъ, прибавилъ нѣкоторыя черты для характеристики личности Пусловскаго (т. V, „Русск. Стар.“ 1872 г., стр. 684). При всемъ томъ, нельзя не сознаться, личность Пусловскаго остается все-таки недостаточно обрисованною. Поэтому считаемъ не лишнимъ предоставить самому Пусловскому обрисовать себя. Вотъ его собственноручныя письма къ генералъ-фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому.

Вадимъ Васильевъ.

I. Ваша свѣтлость! Обитатели Европы, желающіе общаго блага и спокойствія, не могутъ какъ просить Всевышняго, дабы сохранялъ здоровье и жизнь вашей свѣтлости, нужныя для увѣнчанія дѣла, видимо благословеннаго. Не буду считать милостей, Литвѣ изъявленныхъ, но скажу, что она счастлива и чувствовать будетъ, что должна сіе особѣ вашей свѣтлости. Я былъ бы нечувствителенъ и не заслуживалъ бы на будущую милость вашу, если бы тайлъ предъ обществомъ отеческое, вашей свѣтлости, литовскихъ жителей покровительство. Я, съ дѣтми моими, будемъ молить за здоровье нашего благодѣтеля. Нынѣ же осмѣливаюсь просить принять лекарство, которое да подерѣпитъ его въ трудахъ: вино старое венгерское, какого въ Калишѣ и другихъ мѣстахъ достать не можно, будетъ полезнѣе всякихъ хинъ и другихъ аптекарскихъ лекарствъ. Примите изъясненіе благодарности, съ которою навсегда слуга вѣрной, В. Пусловскій.

Бутылокъ 24 при семь препровождаю.

(Письмо относится къ февралю и марту 1813 г.).

II. Ваша свѣтлость! Въ Варшавѣ наполь я тотъ самой духъ, которой во всѣхъ отъ Польши войсками російскими занятыхъ про-

винціяхъ расходится. Всѣ желаютъ миру и чтобы не быть раздѣлены, но принадлежать одному, Европѣ извѣстному, великодушному государю Александру. Легко сему вѣрить можно, ибо тяжкіе налоги и ненатуральное напряженіе силъ видимо истощаютъ край, а къ сему-жъ скажу: чужезъ сердце нечувствуетъ милостивое государя обращеніе! Никто не сомнѣвается, что мудрыя распоряженія войскъ, вашей свѣтлости повѣренныхъ, вскорѣ загорѣютъ на берегахъ Рейна. Если доносятъ, что есть классы дамъ, лишнее говорящихъ; то можетъ быть та только, которая видитъ, что ихъ любовники могутъ лишиться мѣстъ, дающихъ имъ пропитаніе. Не принадлежатъ къ сей классѣ имѣющія чувствіе и разумъ; затѣмъ надѣюсь, что сіе не сдѣлаетъ никакого вліянія на начальникахъ, установленныхъ по довѣрію его императорскаго величества и вашей свѣтлостию. Всѣ же важнѣйшія особы дѣлаютъ желанія наши. Сіе мое донесеніе есть столь истинно, сколь дѣйствительно почтеніе и преданность, съ которою имѣю честь быть и проч. В. Пусловскій.

· 23-го марта 1813 года.

Съ Варшавы.

Р. S. Не смѣлъ бы я утруждать правительство о помощи, но нѣсколько тысячъ душъ, лишенныхъ скота и насеня, побуждаютъ меня къ сему. Вашей свѣтлости извѣстно, сколь я усерденъ былъ служить во всѣхъ правительства требованіяхъ. Помощь, въ заимообразъ денегъ его императорскимъ величествомъ назначенная, чѣмъ скорѣе мнѣ доставлена будетъ, тѣмъ поспѣшнѣ поставитъ меня въ возможности поддѣрпнуть крестьянъ моихъ и быть готову на услуги правительства.

Сообщ. В. И. Васильевъ.

IV.

Исторія болѣзни и послѣднихъ минутъ императора Александра Павловича, основанная на достовѣрнѣйшихъ свѣдѣніяхъ.

(Переводъ съ французской рукописи).

Путешествіе въ Крымъ, имѣвшее такіа роковыя послѣдствія для августѣйшаго путешественника, началось при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ; вначалѣ государь былъ имъ доволенъ, какъ нельзя болѣе. Онъ выѣхалъ изъ Таганрога 20-го октября въ 8 часовъ утра, погода стояла великолѣпная, дожди, длившіеся передъ тѣмъ нѣсколько дней сряду, къ этому дню кончились, туманъ разсѣялся, и верстъ за 100 отъ города дорога оказалась не только сухой, но даже пыльной. По приѣздѣ въ Крымъ, 25-го и 26-го октября государь осматривалъ южный берегъ его; живописная мѣстность приводила его въ восторгъ, въ особенности радовало его приобрѣтеніе Оріанды; онъ рѣшилъ по-

строить на этомъ мѣстѣ дворецъ по проекту архитектора Эльсона, съ утвержденія императрицы, для которой предназначалось это владѣніе. 27-го октября государь выѣхалъ изъ Алупки, простившись съ княземъ Воронцовымъ на три недѣли, по прошествіи которыхъ они должны были встрѣтиться въ Таганрогѣ. Проѣздомъ чрезъ Балаклаву государь закусывалъ у Ревельотти, потому что повара и прислуга его были далеко. Вечеромъ, въ тотъ же день, оставивъ свиту на большой дорогѣ, онъ отправился одинъ, верхомъ, осматривать монастырь св. Георгія, не дозволивъ никому сопровождать себя; онъ рѣшительно отказался отъ бурки, которую ему предлагали, несмотря на то, что погода измѣнилась; подулъ пронзительный вѣтеръ, поднялась роса и въ воздухѣ чувствовалась холодная сырость; пережѣна эта была тѣмъ ощутительнѣе, что утро было жаркое и государь провелъ весь день въ дорогѣ подъ южнымъ палащимъ солнцемъ; ко всему этому надо прибавить, что по дорогѣ въ монастырь приходится спускаться въ пропасти, и выѣзжая изъ нихъ, взбираться на горы. Во время этой несчастной поѣздки государь простудился — этимъ началась болѣзнь, которая, развиваясь болѣе и болѣе, свела его наконецъ въ могилу. Приѣхавъ къ ночи въ Севастополь, государь остановился въ этомъ городѣ ночевать. На другой день, 28-го октября, осматривая городъ, онъ заходилъ въ жилия и неотстроенныя еще казармы и госпитали: въ первыхъ была нестерпимая духота, въ недостроенныхъ зданіяхъ безъ оконныхъ переплетовъ его, при входѣ, охватывало сквознымъ вѣтромъ; наконецъ, къ доверщенію всего этого государь, вышедъ изъ душной казармы, сѣлъ въ лодку, какъ былъ, въ одномъ мундирѣ, не соглашаясь ни за что надѣть шинель, и поѣхалъ осматривать военный корабль. По возвращеніи на берегъ онъ завтракалъ вмѣстѣ съ адмираломъ Грейгомъ на открытомъ воздухѣ, въ палаткѣ. Послѣ обѣда онъ осматривалъ другія части города. На другой день, 29-го октября, онъ посѣтилъ арсеналы, порты и другія сооруженія. Въ эти дни простудное состояніе его сказалось сильнымъ насморкомъ, но онъ все-таки не хотѣлъ лечиться; болѣзнь при такихъ условіяхъ свободно развивалась, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не берегъ себя. Проѣздомъ чрезъ Бахчисарай онъ былъ въ особенности неостороженъ: остановившись въ этомъ городѣ, онъ, чувствуя уже себя не совсѣмъ здоровымъ, поѣхалъ верхомъ, по обыкновенію, легко одѣтый, осматривалъ городскія окрестности и объѣхалъ весь городъ. 1-го ноября въ Козловѣ, 2-го въ Перекопѣ онъ уже чувствовалъ себя нехорошо. 3-го ноября въ Орѣховѣ ему сдѣлалось хуже, погода стояла ненастная; но онъ, не обращая на это вниманія, вышелъ на встрѣчу епископу екатеринославскому, который приѣхалъ въ Орѣховъ нарочно для того, чтобы видѣть

его. 4-го ноября онъ велѣлъ пригласить къ столу казачьихъ офицеровъ, бывшихъ въ дорогѣ. Весь этотъ день онъ чувствовалъ ознобъ и по приѣздѣ въ Мариуполь вечеромъ приготовилъ себѣ самъ стаканъ легкаго пуншу, положивъ всего три чайныя ложки рому на стаканъ горячей воды, и увѣряя, что это для него будетъ достаточно. Когда ему подбили шинель мѣхомъ, онъ на другой день казалось согрѣлся немного. 5-го ноября государь выѣхалъ изъ Мариуполя и приѣхалъ въ тотъ же день въ Таганрогъ, чувствуя все еще лихорадочную дрожь. Въ 6^{1/2} часовъ вечера онъ былъ уже дома во дворцѣ и, по обыкновенію, ничего не кушая и выпивъ только 2 раза зеленаго чаю, легъ спать. Я видѣлъ его на другой день, въ 10 часовъ утра, когда онъ выходилъ изъ покоевъ императрицы, возвращаясь на свою половину; мнѣ показалось, что лицо его горѣло и завѣтрѣло съ дороги. Я еще ничего не зналъ о болѣзни государя, но вскорѣ ея величество сказала мнѣ, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ и замѣчаетъ признаки крымской лихорадки. Въ этотъ день онъ цѣлое утро занимался дѣлами, окруженный кипами бумагъ, занимавшихъ весь письменный столъ его. Окончивъ дѣла, онъ съ императрицей вдвоемъ отправился къ столу, но ничего почти не кушалъ. Во время нашего обѣда дежурный камердинеръ принесъ записку г-ну Вилліе ¹⁾, изъ которой мы узнали, что государь легъ отдохнуть, чувствуя лихорадочное состояніе въ сильной степени; г-нъ Вилліе тотчасъ отправился къ нему и возвратился къ концу обѣда недовольный состояніемъ, въ которомъ онъ нашелъ государя; государь, согласился однако принять легкое слабительное въ пилюляхъ. 7-го ноября я узналъ отъ ея величества, что государю стало легче, но въ тотъ же день вечеромъ повторились пароксизмы лихорадки. Государь приписывалъ усиленіе болѣзни лекарствамъ и не хотѣлъ болѣе о нихъ слышать; ночь онъ провелъ безпокойно, такъ что 8-го ноября былъ съ утра приглашенъ Штоффрегенъ ²⁾. День этотъ былъ воскресный и праздничный, государь захотѣлъ непременно быть у обѣдни и оба врача, при содѣйствіи императрицы, едва уговорили его остаться дома. Вечеромъ изъ Таганрога былъ отправленъ курьеръ въ С.-Петербургъ, онъ отвезъ послѣднее письмо государя; официальные бумаги, отправленные съ нимъ, всѣ были помѣчены, по приказанію государя, 9-мъ ноября. На

¹⁾ Лейбъ-медикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронетъ Яковъ Васильевичъ Вилліе, докторъ при государѣ, сопровождавшій его во время путешествія въ Крымъ; онъ былъ потомъ докторомъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ началѣ его царствованія. Н. Д.

²⁾ Лейбъ-медикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кондратій Штоффрегенъ, докторъ при государинѣ. Н. Д.

другой день утромъ здоровье государя какъ будто поправилось, хотя лекарства не подѣйствовали, какъ того ожидали доктора; когда къ вечеру лихорадочное состояніе его усилилось, мы поняли, что онъ боленъ не простудою съ легкими лихорадочными припадками, какъ ему до сихъ поръ казалось, но что въ болѣзни его замѣчаются уже признаки сильно разившейся перемежающейся желчной лихорадки. Ночью государь чувствовалъ себя худо, утромъ 10-го ноября ему опять стало легче. Разговаривая въ этотъ день съ докторомъ онъ замѣтилъ ему, между прочимъ, что при обсужденіи его болѣзни слѣдуетъ принимать въ соображеніе сильное нервное раздраженіе, которое онъ чувствуетъ, и что при такомъ состояніи лекарства разстраиваютъ и безъ того уже слабые нервы его; эти слова навели насъ на мысль, что государь въ теченіе послѣдняго времени занимался вѣроятно какими-либо непріятными дѣлами, сильно его встревожившими. 11-го ноября я узналъ, что государь поутру чувствовалъ себя лучше, хотя ночью (съ 10-го на 11-е число) лихорадочные пароксизмы усилились. Онъ все еще думалъ, что у него крымская лихорадка, хотя по всему видно было, что болѣзнь его становится серьезной. 12-го ноября, въ теченіе дня государь чувствовалъ себя хорошо, но къ вечеру лихорадочные пароксизмы возвратились съ новою силою и на этотъ разъ были до того мучительны, что въ насъ впервые зародилось предчувствіе той опасности, въ которой находился больной. 13-го ноября утромъ государь почувствовалъ облегченіе послѣ того, какъ лекарство, данное ему въ пилюляхъ, подѣйствовало и выгнало много желчи, но онъ по прежнему, не довѣряя медицинской помощи, отвергнувъ предложеніе докторовъ пустить ему кровь. Къ вечеру онъ впалъ въ полное забытѣе, трудное и прерывающееся дыханіе его и сильныя судороги, сопровождавшія потерю сознанія, убѣждали въ необходимости болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, но государь отвергалъ ихъ настойчиво; послѣ этого тяжелаго вечера онъ провелъ самую безпокойную ночь, наши опасенія усиливались при столь очевидномъ и быстромъ развитіи болѣзни. На другой день, 14-го ноября, доктора рѣшительно потеряли голову; страхъ и печаль овладѣли всѣми, когда государь отвергнувъ всѣ, безъ исключенія, медицинскія пособія, которыя были ему предложены. Мы всѣ слышали трогательныя просьбы и неотступные доводы императрицы: она такъ краснорѣчиво убѣждала его, въ словахъ ея звучало столько высокаго религіознаго чувства, но всѣ усилія ея были тщетны; она не могла уговорить его, чтобы онъ дозволилъ поставить пиявки къ головѣ и принялъ наконецъ энергическія мѣры, необходимыя теперь, когда болѣзнь начинаетъ принимать болѣе серьезный характеръ. Мы всѣ горько плакали при видѣ тщетныхъ усилій императрицы, когда на

всѣ доводы своей августѣйшей супруги государь отвѣчалъ одно: что онъ уже испыталъ бесполезность лекарствъ, которыя раздражаютъ только нервы его и потому скорѣе способствуютъ развитію болѣзни, чѣмъ облегчаютъ ее. Когда государыня пробовала дѣйствовать на религиозныя чувства его, онъ отвѣчалъ ей: что съ полною вѣрою, искренностью которой выдержала столько испытаній предъ Богомъ, онъ надѣется на свою крѣпкую натуру, которою онъ надѣленъ отъ Всевышняго. Послѣ всего этого у докторовъ опустились руки, Вилліе плакалъ вмѣстѣ съ нами въ сосѣдней комнатѣ. Къ вечеру сонъ государя обратился вновь въ тревожное забытье, часто прерывавшееся. Докторъ Рейнгольдъ, находившійся при немъ ночью съ 13-го на 14-е ноября, сообщилъ мнѣ на другой день, что онъ, входя въ комнату больного, замѣтилъ признаки пораженія мозга и что болѣзнь приняла такой плохой оборотъ, что уже нѣтъ надежды на выздоровленіе. Въ теченіе всего этого дня государь лежалъ съ полнѣйшей потерей сознанія, къ вечеру пароксизмы лихорадки были столь сильны, что императрица рѣшилась приготовить его къ исполненію христіанскихъ обязанностей; онъ съ радостью согласился на это, и 15-го числа былъ призванъ соборный священникъ Федотовъ, у котораго императоръ въ этотъ день исповѣдался и приобщился. Онъ приступилъ къ Таинству съ особенно трогательнымъ благоговѣніемъ. Священникъ говорилъ ему, что религія наша не дозволяетъ пренебрегать своимъ здоровьемъ и подвергать этимъ опасности жизнь, дарованную намъ Богомъ; слова духовника подѣйствовали на государя и онъ обѣщалъ подчиниться совѣтамъ врачей. Я узналъ обо всемъ этомъ на другой день, какъ только проснулся и тотчасъ поспѣшилъ во дворецъ; тамъ ставили уже больному 30-ть пиявокъ къ головѣ; хотя это средство и подѣйствовало замѣтно на состояніе больного, но оно было употреблено слишкомъ поздно для того, чтобы ожидать отъ него полного успѣха. Князю Волконскому сдѣлалось при этомъ дурно, онъ совершенно упалъ духомъ и обезсилѣлъ подавленный горемъ. Штоффригенъ говорилъ, что только крѣпкая натура императора могла вынести пароксизмы этого утра, когда онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что все будетъ кончено. Днемъ императоръ почувствовалъ минутное облегченіе, и обратившись къ императрицѣ, не покидавшей его въ эти дни, предлагалъ ей прогуляться и подышать свѣжимъ воздухомъ: онъ понималъ конечно настоящую причину ея отказа, когда она отговаривалась худой погодой, которая не была вовсе такъ дурна. Послѣ этого минутнаго облегченія онъ снова впалъ въ забытье съ полною потерей сознанія; когда ему поставили горчичники къ обѣимъ рукамъ, онъ на время пришелъ въ себя и съ горечью жаловался

на боль, которую онъ отъ нихъ чувствовалъ: „не мучьте меня“, говорилъ онъ окружающимъ. Желаніе его было исполнено; онъ тотчасъ послѣ этого потерялъ сознаніе и впалъ въ состояніе, близкое къ летаргіи; дыханіе его было тяжело, синеватая, мертвенная блѣдность покрыла лицо его, не утратившее еще того симпатичнаго добраго выраженія, въ которомъ такъ ясно отражалась свѣтлая душа его. Послѣ полуночи ему какъ-будто стало легче, но между 3-мъ и 4-мъ часомъ ночи вновь возвратились сильнѣйшіе пароксизмы лихорадки и продолжались на слѣдующій день, 16-го ноября, сопровождаемыя всѣми признаками близкой кончины и съ усиленіемъ болѣзни, силы больного замѣтно уже стали упадать. Въ теченіе всего этого дня государь былъ лишень всякаго сознанія до такой степени, что не чувствовалъ даже въ теченіе 10-ти часовъ горчичниковъ, приложенныхъ къ ногамъ, и только къ вечеру сталъ жаловаться на боль отъ нихъ. Мы думали, что нѣкоторыя части головы его, особенно глаза и языкъ были парализованы, но къ 11-ти часамъ онъ пришелъ въ чувство, узналъ императрицу, улыбнулся ей, сказалъ нѣсколько словъ и съ выраженіемъ трогательнаго чувства пожалъ и поцѣловалъ ея руки, потомъ спросилъ лимоннаго мороженаго, которое ему тотчасъ приготовили; послѣ этого онъ впалъ въ забытѣ, за которымъ по обыкновенію послѣдовали на слѣдующее утро усиленные пароксизмы лихорадки. 17-го ноября утромъ ему приложили мушки къ затылку, онъ нѣкоторое время не чувствовалъ ихъ, но потомъ послышались стоны его и жалобы на боль; нѣсколько разъ въ теченіе этого дня онъ узнавалъ еще императрицу, пожималъ ей руки, говорилъ даже съ ней слабымъ и прерывающимся голосомъ. День былъ ясный, солнечный и государь, замѣтивъ это, вдругъ восселикнулъ: „какая славная погода!“ и такимъ же почти твердымъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ здоровый, хотя при этомъ страданія продолжались; ему тяжело было малѣйшее движеніе, и промываніе ранъ отъ мушекъ мучило его, все-таки этотъ обманчивый признакъ облегченія болѣзни вызвалъ въ насъ вновь надежды, но не надолго: государь оживился не болѣе какъ на 2 часа. Къ вечеру болѣзнь, по всѣмъ признакамъ, начала усиливаться, и надо было наконецъ объявить императрицѣ, что всѣ медицинскія средства истощены. По временамъ замѣтны были мѣстные судороги, и мы ждали съ минуты на минуту, что все будетъ кончено. Около часа ночи забытѣ, въ которомъ находился государь, стало покойнѣе; на 18-е ноября усиленіе лихорадки опять встревожило всѣхъ, тѣмъ болѣе, что силы государя безнадежно упали. Священникъ ожидалъ уже во дворцѣ, когда его позовутъ читать послѣднія молитвы; но часы пробили 9-ть, и государь обратилъ на нихъ глаза, еще

полные жизни. Когда вслѣдъ за этимъ онъ увидѣлъ дорогую и милую ему императрицу, онъ хотѣлъ говорить, но, увы! не могъ сказать ей привѣтливаго слова; онъ лишился уже языка и лишь по движенію губъ его можно было отчасти угадывать его желанія, онъ могъ только улыбнуться ей, пожать и поцѣловать ея руки. Къ вечеру онъ не въ состояніи былъ проглотить пищу; при видѣ конвульсій въ разныхъ частяхъ головы, особенно въ глазахъ, чувствовалась приближающаяся съ каждой минутой кончина этого привлекательнаго человѣка, столь дорогаго для всей Россіи; дыханіе его обратилось наконецъ въ глухое хрипѣніе, послышались плачь и стоны во дворцѣ, но спустя нѣсколько времени больной сталъ покойнѣе, черты лица его приняли обычное выраженіе, только ротъ оставался открытымъ; онъ узналъ еще императрицу и обратился къ ней съ обычною нѣжностью. Осматриваясь, онъ замѣтилъ доктора Добберта, котораго не привыкъ видѣть около себя, взглядъ его выразилъ удивленіе и любопытство; онъ хотѣлъ конечно спросить, зачѣмъ онъ тутъ, но не могъ и тотчасъ же закрылъ глаза. Въ насъ снова проснулась надежда. Анисимовъ, камердинеръ императора, выразился при этомъ весьма характеристично: онъ увѣрялъ, что государь „отбаливается и будетъ здоровъ“, но надеждамъ нашимъ не суждено было оправдаться. Такъ какъ государь не могъ ничего проглотить, то ему поставили клистиръ изъ бульона, сваренаго на смоленской крупѣ. Больной на нѣсколько часовъ успокоился и потерялъ сознаніе; забытье длилось не долго, съ наступленіемъ полуночи возобновились пароксизмы лихорадки. Въ четвергъ, 19-го ноября, день принесшій намъ и всей Россіи столько горя, что онъ не скоро изгладится изъ памяти народной, пароксизмы закончились долгою агоніей, тяжелое дыханіе его сопровождалось стонами, въ которыхъ слышалось страданіе, и икотой, предвѣстницей смерти. Дыханіе его становилось съ каждымъ разомъ короче и разъ 5-ть останавливалось вовсе; наконецъ, въ 10³/₄ часовъ императоръ скончался въ присутствіи императрицы. Ее оставили одну съ умирающимъ супругомъ, она молилась во все время агоніи и оставалась еще съ полчаса передъ бездыханнымъ трупомъ, закрыла глаза покойному и подвязала ему подбородокъ. Можно-ли было ожидать, чтобы слабая натура государыни, пораженная болѣе, чѣмъ неизлечимымъ недугомъ, вынесеть столько нечеловѣческихъ усилій, если бы она не вмѣщала такой великой, твердой, сильной души? Кто бы подумалъ, что она, вопреки общаго порядка вещей, съ ея слабымъ и разстроеннымъ организмомъ, переживетъ человѣка сильнаго, крѣпкаго и здороваго, который природною крѣпостью своего организма поддерживалъ строгую и воздержную жизнь. Два часа спустя, эта необыкновенная жен-

щина присутствовала уже на панихидѣ; тяжело было видѣть слезы ея, но твердая и бодрая наружность ея внушала невольное уваженіе. Чуждаясь мелкихъ заботъ житейскихъ, она, не развлекаемая ими, оставалась одна въ теченіе цѣлаго дня съ своимъ горемъ, и это не помѣшало ей вечеромъ звѣсться передъ нами снова на панихидѣ, по прежнему бодрой и твердой въ несчастіи ея, и тоже на другой день, утромъ и вечеромъ. 20-го ноября она согласилась наконецъ на просьбы князя Волконскаго и перѣехала въ домъ Шахматовыхъ на время вскрытія умершаго и приготовленій къ парадному выставленію тѣла. Она рѣшилась говѣть въ это время въ часовнѣ, которая на слѣдующій же день была устроена въ покояхъ ея. Каждый день въ 5½ часовъ вечера она заходила во дворецъ взглянуть на покойнаго супруга своего. Мы имѣемъ основательный поводъ опасаться за физическія силы императрицы, душевныя же силы ея не падаютъ и стоятъ на той же нравственной высотѣ, достойной почтительнаго удивленія.

Вскрытіе производилось 20-го ноября вечеромъ и ночью. Тѣло покойнаго императора сохранило свои атлетическія формы. Въ задней части головы, какъ того и ожидали доктора, оказалось около полу-стакана воды; мозгъ съ лѣвой стороны почернѣлъ въ томъ мѣстѣ, на которое государь указывалъ, жалуясь на мучительную головную боль, и артерія около лѣваго виска перепуталась съ другою жилкою до того, что казалась связанной съ нею вмѣстѣ. Сердце, въ отношеніи другихъ органовъ, было мало, и его нашли окруженнымъ небольшимъ количествомъ воды, которая могла образоваться еще до болѣзни; предположеніе это оправдывается тѣмъ, что императоръ, еще до болѣзни, жаловался на біеніе сердца. Печень не представляла никакихъ особенностей, она была только слишкомъ открыта и испускала много желчи, несмотря на сильное изверженіе желчи въ продолженіе 15-го и 16-го ноября, послѣ приема лекарствъ. Хрящи между крестцовыми позвонками окостенѣли такъ, что между этими позвонками не видно было хряща и позвоночный столбъ въ этомъ мѣстѣ казался состоять изъ однихъ костей. Остальные внутренніе органы найдены были въ нормальномъ состояніи.

Я передаю факты, которые происходили на моихъ глазахъ и тѣ подробности, которыя были рассказаны мнѣ объ этомъ рововомъ событіи, лишившимъ отечество величайшаго изъ монарховъ и подданныхъ попечительнаго отца. Не думая отдавать отчета о всѣхъ подробностяхъ этого общественнаго горя, я отмѣтилъ лишь важнѣйшіе факты. Записка моя составлена не для печати, а единственно для меня самого и друзей моихъ; къ тому же, доктора вели болѣзненно болѣзни, который долженъ быть признанъ за единственный официаль-

ный и легальный источникъ при разъясненіи хода болѣзни императора и переходовъ ея отъ перемежающейся лихорадки въ желчную, нервную, и наконецъ въ тифъ. Болѣзнь развивалась съ такой быстротой, что 10-ти или 12-ти дней достаточно было для того, чтобы разбить вѣрнѣе сложение императора, при которомъ можно было надѣяться, что онъ проживетъ вдвое долѣе.

Заканчивая эту печальную картину, я долженъ засвидѣтельствовать здѣсь два факта, которые доказываютъ, что государь имѣлъ предчувствіе смерти. Извѣстно, что онъ, предпринимая путешествіе, считалъ непремѣннымъ долгомъ отстоять службу въ казанскомъ соборѣ, въ Петербургѣ, передъ дорогою; отѣзжая въ послѣднее путешествіе, онъ, по обыкновенію, отстоялъ обѣдню въ соборѣ наканунѣ, но на этотъ разъ, онъ ночью отдалъ приказаніе, чтобы къ 3 часамъ утра были готовы дрожки и велѣлъ везти себя на Каменный островъ, откуда онъ приказалъ ѣхать въ Невскій монастырь. Это поразило кура его, Илью¹⁾, потому что ничего подобнаго не случилось прежде. Государь оставался въ монастырѣ около 2-хъ часовъ и вышелъ оттуда сильно растроганный; послѣ этого онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ столицы, въ которую ему не суждено было уже возвращаться. Однажды, во время бытности его въ Таганрогѣ, онъ занимался дѣлами; вдругъ, между 4 и 5 часами темная туча заволокла небо такъ, что онъ долженъ былъ потребовать свѣчей; только что зажжены свѣчи были поданы, какъ небо прояснилось и солнце показалось вновь, тогда камердинеръ возвратился въ кабинетъ и спросилъ, не прикажутъ ли ему убрать свѣчи. Императоръ взглянулъ на него и сказалъ „Да ты правъ; если кто съ улицы увидитъ въ комнатѣ днемъ зажженные свѣчи подумаетъ, что здѣсь покойникъ; мнѣ тоже это пришло въ голову. Возьми ихъ“. На другой день, по возвращеніи изъ Крыма, 6-го ноября, чувствуя себя дурно, государь напомнилъ тому же камердинеру этотъ случай, прибавивъ, что его опасенія могутъ на этотъ разъ осуществиться, потому что онъ чувствуетъ себя серьезно больнымъ²⁾.

¹⁾ Илья Байковъ, кучеръ, сопровождавшій вездѣ государя; онъ же отвозилъ и тѣло его въ печальной церемоніи. Н. Д.

²⁾ Эти два анекдота разсказаны, съ нѣкоторыми незначительными отличіями, при всѣхъ болѣе подробныхъ описаніяхъ кончины государя. Въ брошюрахъ изданныхъ у насъ въ Россіи, первый разсказъ: о посѣщеніи императоромъ невскаго монастыря, обставленъ большими подробностями; въ нихъ описывается посѣщеніе императоромъ схимника, жившаго въ монастырѣ; переданъ разговоръ ихъ, тяжело подѣйствовавшій на него напоминаніемъ о смерти и другими подробностями. (См. Послѣдніе дни жизни незабвеннаго монарха государя императора Александра I, съ изображеніемъ Таганрога и плана дворца, изд. Ивана Занкина. «Спб. 1827 г., на 55 стр., въ 8^о; переводъ этого сочи-

Слава покойнаго государя будетъ долго жить въ исторіи, Россія сохранитъ навсегда въ памяти его добродѣтели и благодѣянія и Господь вознаградитъ его за нихъ въ будущей жизни.

Примѣчаніе. Самыя подробныя печатныя свѣдѣнія о болѣзни и кончинѣ императора Александра, изданныя у насъ въ Россіи, можно найти въ перечисленныхъ выше трехъ брошюрахъ (см. примѣч. 4). Всѣ эти описанія имѣютъ болѣе или менѣе оффиціально-риторическій колоритъ; видно, что составители приготавливали ихъ для печати и считали долгомъ выражаться высокимъ слогомъ, приличнымъ событію. Мы считаемъ излишнимъ много распространяться о нихъ, потому что они доступны всякому; замѣтимъ только для тѣхъ, кого это интересуетъ, что письма о кончинѣ государя, напечатанныя въ первой изъ поименованныхъ выше брошюръ (Послѣдніе дни жизни незабвеннаго монарха и т. д.), изданной въ Петербургѣ въ 1827 году, принадлежатъ: камеръ-гофъ-фурьеру Данилѣ Бабкину (2-е и 4-е письма, подписанныя буквами Д. Б.) и адмиральшѣ Бачмановой (1-е и 3-е письмо); въ моей библиотекѣ имѣются копіи съ писемъ разныхъ лицъ о кончинѣ Александра Павловича, и между прочими копіи съ писемъ, напечатанныхъ въ этой брошюрѣ съ полными подписями авторовъ ¹⁾.

ненія, съ пропускомъ приложенныхъ къ нему писемъ разныхъ лицъ о кончинѣ государя, изданъ подъ заглавіемъ: «*Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I Empereur de Russie, traduit du russe S. P. B. 1834 г., на 35 стр., въ 8°*» («*Таганрогъ или подробное описаніе болѣзни и кончины императора Александра Перваго, составленное Николаемъ Данилевскимъ, М. 1828 г., на VI, 85 и 2 нн. стр. съ 2 картинами, портретомъ и плащомъ*»). Н. Д.

¹⁾ Между ненапечатанными здѣсь письмами, изъ имѣющихся у меня, наиболее интересно письмо князя Волконскаго графу Милорадовичу; вотъ оно:

«19-го ноября 1825 г., 10 часовъ утра. Послѣ труднаго дня, т. е. 16-го числа, въ продолженіе коего его величество оставался безъ всякаго движенія, оказывалъ существованіе свое только тяжелымъ дыханіемъ, за нѣсколько времени до разсвѣта онъ заснулъ и проспалъ до 8 часовъ утра; пробудившись, онъ открылъ глаза и произнесъ довольно внятнымъ голосомъ: «*Comme il fait beau!*» Взглянувъ на окно, которое освѣщалось солнечными лучами, спросилъ государыню, поцѣловалъ ея руку, сказавъ: «*Я думаю, вы устали*»; потребовалъ бульону и лимонаду. Видя, въ какомъ положеніи его величество, у всѣхъ на сердцѣ стало весело, все оживилось и приняло другой видъ, полагая, что искра надежды еще не угасла къ спасенію жизни драгоцѣннѣйшаго для Россіи государя; того же утра всѣ спѣшили въ церковь, дома остались пусты, всѣ лавки заперли (кромѣ?) базара съ съѣстными припасами и нужнаго числа людей, прочіе же стекались на молебствіе о здравіи его величества. Я поѣхалъ туда же. Нѣтъ словъ описать картину, которой былъ я свидѣтелемъ: на кофѣнахъ, съ благоговѣйными чувствами въ душѣ, всѣ граждане плавали и самъ священникъ неоднократно останавливался при чтеніи молитвъ, не могли продолжать оныхъ за слезами. Мертвая тишина царствовала во всемъ храмѣ и наруша-

Въ иностранной литературѣ того времени неожиданная смерть императора возбудила толки и догадки, самыя невѣроятныя; такъ, напримеръ, въ одномъ изъ №№ „Morning Post“ говорится, что государь, самъ того не подозрѣвая, былъ окруженъ заговорщиками, которые такъ ловко скрывали свои намѣренія, что онъ довѣрялся имъ вполне; они, будто-бы, имѣя въ виду отвлечь всякія подозрѣнія, были особенно предупредительны, устраивали для него празднества, на которыхъ государь веселился отъ души, и что однажды, по возвращеніи его изъ Крыма, они устроили прогулку по морю, во время которой государь былъ окруженъ только лицами, принимавшими участіе въ заговорѣ, и когда лодка отѣхала податѣе отъ берега, заговорщики рѣшились дѣйствовать по заранѣе обдуманному плану и лишили его

дѣла въздохами: казалось, что дѣти одного семейства оплакиваютъ добродушнаго отца своего. Но Богомъ не услышаны наши теплыя молитвы, хотя того же утра около 12 часовъ возвратился..... изъ дворца въ хорошемъ расположеніи духа, обрадовавъ меня присылкою вѣсти, что государю гораздо легче, инванскія мушки подѣйствовали и желудокъ очистился, и полагали, что того дня былъ переломъ болѣзни, послѣ коего надлежитъ ожидать радостнѣйшихъ послѣдствій. Но, увы! наши желанія не исполняются; вчера его величество дошелъ до такой немощной слабости, что не имѣлъ силы проглотить лекарства, всегда почти въ безпамятствѣ и доктора поддерживаютъ его существованіе безпрестаннымъ бульенами и клистирами: вотъ до какого несчастія мы дожили!

«О состояніи здоровья ея величества не имѣю ничего хорошаго вамъ сказать; душевныя ея страданія видитъ одинъ Богъ, на котораго все упованіе наше возлагаемъ.

«2-я часть пополудни—Россія осиротѣла; въ $\frac{3}{4}$ 11-го часа не стало государя. Оплакивайте потерю добрѣйшаго отца отечества. Государыня находилась при кончинѣ его величества до послѣдней минуты, сама закрыла глаза, сомкнула губы, приняла послѣдній его вздохъ..... слезы мѣшаютъ продолжать, прощайте!»
(Получено 27-го ноября въ 10 часовъ утра).

Жители столицы узнали также 27-го ноября о кончинѣ императора; ихъ оповѣстили объ этомъ повѣсткою за подписью Спб. оберъ-полиціймейстера Шульгина 1-го, напечатанной на четвертушкѣ сѣрой бумаги, слѣдующаго содержанія:

«Всевышнему Господу Богу угодно было отозвать къ себѣ обожаемаго нами монарха! Его императорскому величеству государю императору Константину Павловичу учинена присяга его высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, государственнымъ совѣтомъ, святѣйшимъ синодомъ и войскомъ.

«По приказанію его сіятельства г-на Санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора, я извѣщаю о семъ всѣхъ жителей столицы, дабы они, послѣдуя долгу своему, обратились во храмы Божіи и тамъ, передъ престоломъ Всевышняго, учинили таковую же присягу на вѣрность подданства государю императору Константину Павловичу установленнымъ порядкомъ».

Ноября 27-го дня, 1825 года).

жизни, объявивъ по возвращеніи о скоропостижной смерти государя, и будто бы этимъ путемъ имъ удалось скрыть свое преступленіе (см. *Vie privée, politique et militaire d'Alexandre Paulowitz premier du nom., etc., par. Cousin d'Avalon. Paris. 1826, въ 8°, стр. 174—177*).

Къ той же категоріи относится разсказъ Фридриха Файо (Frédéric Fayot): „Императоръ, разсказываетъ онъ, проѣзжалъ по южному берегу Крыма и простуда, перешедшая въ послѣдствіи въ лихорадку, заставила его остановиться у Воронцова. Шотландецъ Вилліе, докторъ при особѣ его величества, предложилъ ему лекарство, но государь почувствовалъ себя хуже и приказалъ тотчасъ же собираться обратно въ Таганрогъ. Я видѣлъ его по приѣздѣ: онъ сидѣлъ въ каретѣ, закутанный въ сѣрую шинель, на лицѣ его выражалось уныніе и страданіе. По неожиданному возвращенію императора узнали о его болѣзни. Сперва скрывали опасность, но кажется можно сказать утвердительно, что она съ самаго начала имѣла серьезный характеръ; императоръ, говорятъ, сразу почувствовалъ ужасныя подозрѣнія и отказывался положительно отъ предлагаемыхъ ему лекарствъ; несмотря на просьбы императрицы, онъ постоянно отстранялъ медицинскую помощь. Разъ только въ теченіе всей болѣзни удалось уговорить его и онъ дозволилъ поставить себѣ нѣсколько цѣловокъ. Болѣзнь быстро усиливалась, и когда не было уже надежды на выздоровленіе, Вилліе составилъ бюллетень болѣзни, который былъ тотчасъ же отправленъ въ Петербургъ; все описываемое нами произошло въ теченіе какихъ-нибудь 4 или 5 дней. Слухъ о болѣзни императора быстро распространился по городу, и когда всѣ узнали объ опасности, народъ тѣснился у дворца, ожидая извѣстій о здоровьѣ государя. Императоръ все еще отказывался отъ всякихъ лекарствъ и мучился жестоко. Намъ сказали однажды, что онъ прогналъ Вилліе изъ своей комнаты. Во все время болѣзни онъ просилъ постоянно холодной воды у камердинера: „она успокоиваетъ меня, говорилъ онъ, а ихъ лекарства жгли мнѣ внутри“. Когда страданія его поутихли, онъ написалъ письмо и запечаталъ его, свѣча оставалась зажженной и онъ связалъ своему камердинеру: „Погаси ее, другъ мой; увидавъ ее въ окно, можно подумать, что кто-нибудь изъ насъ умеръ“. Вилліе всѣми силами старался отстранить консилиумъ съ другими докторами, одинъ только Штоффрегень былъ допущенъ всего одинъ разъ, и то только послѣ многократныхъ и настойчивыхъ просьбъ императрицы. Болѣзнь императора продолжалась около 11-ти дней. Молодой французъ, докторъ, хорошо знающій свое дѣло, былъ тогда въ Таганрогѣ; онъ просилъ позволенія принять участіе въ консультаціи, но ему было отказано; я встрѣтилъ его наканунѣ смерти государя: онъ таинственно сообщилъ

мнѣ объ опасности, въ которой государь находился и предсказаль исходъ болѣзни его: „императоръ погибъ“, сказалъ онъ мнѣ въ заключеніе, и дѣйствительно государь скончался на другой день; нѣкоторые утверждаютъ, что смерть его послѣдовала наканунѣ официально объявленнаго дня... Вилліе выказывалъ страшное отчаяніе по смерти государя, онъ заперся въ своихъ комнатахъ и держалъ себя такъ, какъ человѣкъ, потерявшій съ горя рассудокъ; его нѣкоторое время дѣйствительно считали сумасшедшимъ. Недалновидные думали, что онъ погибнетъ и ожидали, что придворная карьера его кончена; но лишь только были получены первыя свѣдѣнія изъ Петербурга, Вилліе выѣхалъ изъ Таганрога, чтобы представиться новому государю и сохранилъ все, чего успѣлъ достигнуть долголѣтними интригами и успѣхами при дворѣ; онъ получилъ еще новое отличіе: его назначили первымъ медикомъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ“ (см. *Les souverains de l'Europe*, б. ozn. врем. и мѣста изд. въ 8^о, стр. 204—207).

Этотъ разсказъ, какъ видно, послужилъ поводомъ къ самой черной клеветѣ на Вилліе, но предлагаемые документы опровергаютъ окончательно и тѣ шаткіе доводы, на которыхъ авторъ основываетъ свои подозрѣнія.

Существуетъ еще одинъ разсказъ объ этомъ событіи. Шуазель-Гуфье, рожденная графиня Тизенгаузенъ, въ своихъ мемуарахъ (*Mémoires de la comtesse Choiseul-Gouffier, née comtesse Tisenhausen etc.*) объясняетъ кончину императора, какъ слѣдствіе огорченія его, когда онъ узналъ о заговорѣ декабристовъ; она говоритъ, будто-бы извѣстіе объ этомъ заговорѣ сильно подѣйствовало на государя, что онъ нарочно удалился изъ столицы для того, чтобы обсудить это дѣло на свободѣ, вдали отъ двора и вліяній высокопоставленныхъ лицъ; будто бы во время болѣзни у него вырвались слова, которыя объяснили окружающимъ тревожившія его мысли; государь сказалъ будто-бы: „чудовища! неблагодарные! я хотѣлъ только счастья ихъ“. Она приписываетъ этому огорченію болѣзнь и самую смерть государя.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что здѣсь преувеличено значеніе открытія заговора въ болѣзни государя, но можно кажется безошибочно сказать, что оно имѣло вліяніе на развитіе того нервнаго раздраженія, о которомъ говорилъ государь докторамъ и которое внушило ему пагубное убѣжденіе, что болѣзнь его главнымъ образомъ нравственная, и потому медицинскія пособія, раздражая его больные нервы, скорѣе вредны для него, чѣмъ полезны.

Таганрогъ славится въ народѣ здоровымъ воздухомъ, несмотря на нѣкоторыя рѣзкія особенности климата, состоящія въ чрезвычайно измѣнчивой температурѣ воздуха, въ значительной разности темпе-

ратуръ по временамъ года и въ силѣ вѣтровъ. По увѣренію мѣстныхъ врачей, нѣкоторыя хроническія болѣзни, не очень застарѣлыя, излечиваются здѣсь сами собой безъ медицинской помощи. Народная молва, разславившая этотъ городъ, побудила вѣроятно императора избрать его для переселенія выздоравливавшей императрицы и поселиться въ немъ самому. Городскіе старожилы и лица, сопровождавшія государя, рассказываютъ, какъ хлопоталъ онъ, чтобы устроить для императрицы небольшой одноэтажный домъ, принадлежавшій градоначальнику П. А. Шапкову, съ какимъ предупредительнымъ вниманіемъ онъ самъ разставлялъ въ немъ мебель, вбивалъ гвозди для картинъ и т. п. Поселившись въ городъ, государь во время прогулокъ заходилъ на базаръ, прицѣняясь къ жизненнымъ потребностямъ, дѣлалъ закупки, удивляясь дешевизнѣ всего. Любимая прогулка его была по Петровской улицѣ въ городской садъ, который, по его повелѣнію, распространенъ; кромѣ того, государь назначилъ особую сумму въ 11,500 руб. ассигнаціями на постройку садовыхъ службъ. До сихъ поръ городскіе жители указываютъ каменную скамейку за садомъ, на которой государь любилъ отдыхать послѣ прогулки. („Медико-топографическое описаніе таганрогскаго градоначальства“, соч. лекаря П. Работина. Спб., 1868 г., стр. 15—17).

Н. П. Дуровъ.